

Английский язык

Библиотека в школе

Биология

География

Дошкольное образование

Здоровье детей

Информатика

**Воспитание
Образование
Педагогика**

№19

Искусство

История

Классное руководство

Литература

Математика

Начальная школа

Немецкий язык

Русский язык

Спорт в школе

Управление школой

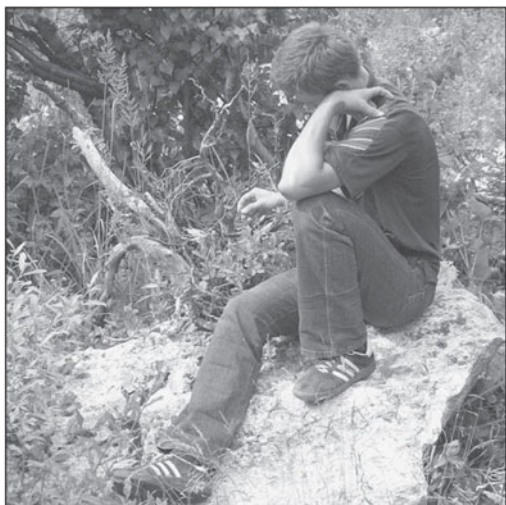
Физика

Французский язык

Химия

Школьный психолог

АНАТОЛИЙ АРСЕНЬЕВ

Подросток глазами философа

Очерк

БИБЛИОТЕЧКА «ПЕРВОГО СЕНТЯБРЯ»
Серия «Воспитание. Образование. Педагогика»
Выпуск 19

Анатолий Арсеньев

ПОДРОСТОК ГЛАЗАМИ ФИЛОСОФА

Из одноименной книги
(Алматы, 1996)
Извлечения и редакция Людмилы Кожуриной

Москва
Чистые пруды
2009

СОДЕРЖАНИЕ

Напутствие читателям	4
Введение	5
О главнейшем новообразовании в психике подростка	5
О ведущей роли процесса обособления	7
О том, как принято и как должно решать главное противоречие подросткового возраста	8
О том, почему молодому человеку необходимо пройти все фазы развития	10
О подростке как фазе развития личности	11
О юности как необходимой ступени личностного развития	14
О пользе созерцания	15
О том, что окружает подростка в период обособления	18
О главных педагогических опорах, которые на первый взгляд кажутся помехами	20
О том, что и как пишут на тему «Подросток»	21
Об опасности искаженного понимания проблем человека	23
Тебе, читатель!	25
Послесловие-приложение	26

НАПУТСТВИЕ ЧИТАТЕЛЯМ

О подростках, взрослеющих детях сказано и написано немало. Но почему-то – читай, не читай – с подростками все равно трудно. Одинаково мало помогают и знания о возрастных особенностях, и стремление стать для ребенка «содержательным взрослым», и специальные техники общения. Может быть, все дело в том, какую позицию мы занимаем по отношению к детям, которые уже перестали быть детьми, но еще не стали взрослыми?

Как правило, видя малейший беспорядок, разлад в поведении ребенка, мы начинаем «подкручивать гайки», «ставить на место», «применять меры» – каждый раз ровно по тому поводу, который вызвал наше беспокойство. И тут же ссоримся, потому что то, что нам кажется справедливым и естественным, ему, оказывается, «просто невыносимо». Дальше мы начинаем думать, как «отремонтировать» подростковый максимализм, какими способами заставить себя уважать. Придумываем. Применяем. И снова ссоримся.

Нам катастрофически не хватает целостного представления об уникальнейшем периоде жизни, который проживают взрослеющие дети. Знания о Взрослении. О его непреложных законах, неодолимых силах, этапах и границах. О языке, на котором говорит взросление, и о способах поддержки человека в этот критический период. Личностная перспектива человека во многом определяется высоким строем дум и чувств, переживаемых человеком в подростковом возрасте.

Книга известного философа Анатолия Сергеевича Арсеньева не просто восполняет дефицит знаний о природе взросления, она совершенно по-новому объясняет причины неудач взросло-подросткового общения, содержит нетривиальные советы и предостерегает от опасностей искаженного понимания проблем подростка.

Введение

В условиях современной цивилизации развитие личности стало сложной проблемой, поскольку основные параметры этой цивилизации (включая социальные отношения), определяющие ее так называемый прогресс, несут обостренно антиличностный характер. Ничего особенно нового в этом нет: личность всегда находилась и должна находиться в сложных, большей частью антагонистических отношениях с социальностью. Для философии это прописная истина. Это признает и современная гуманистическая психология. Просто современная цивилизация приобретает все более формально-вещный характер, что является одной из причин ее кризиса, а личности все труднее противостоять вещи как своей противоположности. И мне хотелось бы обратиться ко всем, кто так или иначе имеет отношение к воспитанию наших подростков.

О главнейшем новообразовании в психике подростка

Окончание детства и переход в мир взрослых оказывается гораздо более сложным, чем представляется обычно, и связан, как я считаю, с развитием в сознании подростка критического рефлексизирующего мышления в рассудочной форме. Это и есть определяющее новообразование в его психике. Оно и создает основное ведущее противоречие в жизни подростка.

Хорошо известно, что в младших классах школы большинство детей умеют отличать то, «как надо говорить», от того, «что есть на самом деле». И в зависимости от ситуации ребенок, разговаривая, допустим, с учителем и отвечая на вопросы, будет говорить так, как надо говорить, хорошо при этом зная, что «на самом деле» все обстоит по-другому. И это вовсе не значит, что он лжет. Просто эти две сферы реальности – «как надо говорить» и «как есть на самом деле» – лежат, если можно так выразиться, в его сознании «на разных полочках», не мешая друг другу. Его сознание еще в значительной степени продолжает жить по законам игры, когда любой предмет может, оставаясь самим собой, в то же время быть превращенным во что угодно. Перевернутый стул, оставаясь стулом, превращается в самолет, на котором ребенок отправляется в путешествие. И для таких превращений вовсе не обязательна внешняя похожесть превращаемого предмета на предмет, требующийся по ходу игры. Наоборот, чем меньше эта похожесть, тем больше простора для фантазии и воображения. Мир игры существует по своим собственным законам, созданным фантазией играющего ребенка, и не входит в противоречия с убогим миром взрослых, где за каждым предметом закреплено его утилитарное значение. Так же как ребенок не лжет, называя стул самолетом и зная,

что «на самом деле» это стул, так же он не лжет, когда говорит «как надо говорить», зная, что «на самом деле» это не так.

Форма, в которой рефлексивует его сознание, еще не приобрела способности (и необходимости!) критического сравнения этих разных «полочек».

Новая форма, новая фаза рефлексии, возникающая у подростка, характеризуется, наоборот, критичностью и непримиримым протестом против обнаруживаемых им противоречий. Он задает себе и окружающим вопрос: «Почему мне говорят одно, а я вижу совсем другое?» И если подросток заметит, что вы ему лжете, ваш авторитет воспитателя упадет до нуля, даже если он будет продолжать вас любить. Вы можете поставить ребенка в ситуацию, когда в его душе одновременно будут и любовь к вам, и презрение за вашу ложь. И только вступив в юность как новую ступень личностного развития (если ему это удастся и он не будет преждевременно социализирован), он сможет вас простить.

Наступает время ниспровержения авторитетов. Если в доподростковом возрасте взрослый, особенно «значимый взрослый», обладал для ребенка авторитетом просто в силу своей взрослости, то теперь подросток требует доказательств тех или иных утверждений. И многие привычные в мире взрослых истины он готов поставить под сомнение, пока они не будут проверены его собственным критическим мышлением, его логикой. Рассудочная, то есть формальная, жесткая, силлогистическая логика овладевает умом подростка. Именно так: не он овладевает этой логикой, но она возникает в его сознании как некая объективная принудительная сила. Она требует на любой вопрос однозначного ответа и оценки: истина или ложь, да или нет. И это создает в сознании подростка определенную тенденцию к максимализму, заставляет его жертвовать дружбой, вызывает антагонистические отношения с близкими людьми, поскольку многообразие и противоречивость реальности и человеческих отношений не укладываются в рамки рассудочной логики, а подросток готов отвергнуть все, что не соответствует этой логике, так как именно она – господствующая сила в его сознании, критерий его суждений и оценок.

Но ведь эта же логика господствует в окружающем современного подростка мире взрослых: в математике, в других науках (а ему их преподавали в школе) и вообще во всех вещных отношениях, включая сюда и отношения социальные. Она и есть логика мира вещных отношений, господствующих в современной западной цивилизации. Таким образом, по логике мышления подросток равен взрослому. И это одно из главных оснований его требования, чтобы к нему относились как к взрослому, одно из оснований его права критиковать мир взрослых. Он видит, что взрослые бесконечно нарушают эту логику, совершают нелогичные поступки, лгут. Мир

взрослых представляется ему чудовищно лживым, фальшивым и лицемерным (и здесь он прав, но совершенно в другом смысле, чем ему кажется). Это подростковое восприятие мира взрослых хорошо показано в романе Д.Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Подросток в определенном смысле панлогист: мир должен соответствовать его логике.

Но будучи по типу логики мышления равным взрослому, по жизненному опыту и содержанию сознания подросток остается еще ребенком. Протестуя против лжи, лицемерия и господства над ним мира взрослых, он в то же время нуждается в душевной теплоте, ласке, понимании, одобрении и прощении взрослых.

Отвергая авторитеты, он одновременно нуждается в авторитете, в таком взрослом, которому он мог бы полностью доверять. И он может найти такого взрослого (или взрослый найдет его), который скажет ему: «Ты же умный, ты же видишь, что тебе лгут, тебя обманывают твои учителя и воспитатели и все, кто тебя окружает. А я тебе скажу правду и научу, как надо жить». И этот взрослый может оказаться опасным человеком. Не буду останавливаться на всех возможных здесь коллизиях, они достаточно подробно описаны в соответствующей литературе. Отмечу лишь, что рассудочная рефлексия, приобретаемая подростком, разрушает его внутренний уютный мир детства, но также отталкивает его и от внешнего мира взрослых, который не выдерживает предъявляемых ему сознанием подростка критериев. У подростка создается свой внутренний мир, крайне противоречивый и запутанный, в определенной степени хаотичный. Не забудем упомянуть «фон», связанный с половым созреванием, проявляющийся в энергетически мощных импульсах чувств, желаний, эмоций, которые в принципе не могут быть уложены в схемы рассудочной логики. Увы, рецепты взрослых, чаще всего рецепты адаптации к миру взрослых, ничем здесь помочь не могут.

О ведущей роли процесса обособления

У подростка появляется тенденция к обособлению и от мира детства, и от мира взрослых, к созданию своего собственного мира – в нем сверстники, люди, внутренне синтонные друг другу. Возникает молодежная культура. Разнообразие ее направлений, мотивов и проявлений соответствует сложности и противоречивости души подростка. Каждое из этих направлений можно рассматривать как акцентуацию одной из сторон этой души, определяемую реакцией на индивидуальные условия жизни и индивидуальные же априорные задатки и качества.

Главным противоречием подросткового возраста можно считать противоречие между рассудочной формой возникшей в сознании подростка

рефлексии, ставшей для него ведущей формой сознательного отношения к миру, и наличным миром взрослых, не укладывающимся в рамки рассудочности и в то же время провозглашающим рассудочность – «сознательность» – основанием своего бытия.

Это противоречие присуще и современной цивилизации в целом с ее господством вещности, экономики, науки. Но мир взрослых адаптировался, смирился, пожертвовал своим личностным началом, отмиранием целого измерения души, связанного с актуальной бесконечностью, продал свое духовное первородство за возможность стать потребителем вещей. Он создал для самооправдания соответствующую идеологию и мораль, скрывающие это противоречие. У подростка же оно проявляется как первозданное, *in statu nascendi* (в момент образования), не сглаженное, не завуалированное чечевичной похлебкой вещности, а потому во всей своей непримиримой остроте и обнаженности.

Мир взрослых компромиссный: при господстве технологически-вещного отношения в социальной сфере, на индивидуальном уровне почти каждый пытается создать нишу квазиличностного существования, маскирующего в той или другой степени господство вещности, создающего иллюзию человеческих отношений, хотя технологичность и вещность проникают и сюда и только индивидам с высоким личностным потенциалом удается им противостоять.

Максимализм подростка не принимает этого компромисса, но, чувствуя себя по строю мышления равным взрослому, подросток хочет войти в мир взрослых, «социализироваться».

О том, как принято и как должно решать главное противоречие подросткового возраста

Рассмотрим две принципиально противоположные позиции. Первая – позиция психологии и педагогики: подростка нужно социализировать, преодолеть его стремление к отчуждению от социума, найти методы и средства воспитания, которые помогли бы включить его в «нормальные» социальные отношения как полноправного и полезного члена общества. Особенно настырно эту идею проповедовала советская психология и педагогика, поскольку было принято считать, что интересы индивида всегда должны быть подчинены интересам общества. При этом ссылались на Карла Маркса, который в действительности занимал противоположную позицию и даже упомянул, что реальные интересы – это всегда интересы индивидов, а под именем общественных интересов скрываются тоже интересы индивидов, но только составляющих правящую верхушку общества.

Главным же средством социализации провозглашается общественно полезный труд. В течение десятков лет наши идеологи, психологи и педагоги обманывали молодежь, уверяя, будто однообразный конвейерный труд есть труд творческий, поскольку он совершается ради общества, является общественно полезным, хотя никакая полезность, естественно, не может ни изменить характер такого труда, ни устранить его разрушающее влияние на личность работника.

Само отношение полезности является не личностным, но чисто вещным. В социальном коллективе, где его члены рассматриваются как полезные коллективу, любой может быть заменен любым другим, лишь бы этот другой был не менее полезен.

Я не буду приводить примеры такого понимания задачи воспитания подростка, так как практически вся наша психолого-педагогическая литература похожа на заклинание «социальной сущностью человека», «деятельностным подходом», «общественно полезной деятельностью» как панацеей от проблем, связанных с трудностями воспитания.

Мне кажется, достаточно познакомиться с различными проявлениями молодежной культуры, чтобы убедиться, что почти все молодежные объединения активно противопоставляют себя современной социальности.

Исходя же из философских представлений о человеке, личности и логике развития органических систем, я пришел к выводу прямо противоположному. Нужно помочь подростку оторваться от социума, от социальных отношений, от господствующих форм коллективности. Это, выражаясь философским языком, обособление, уход от внешних отношений и внешнего функционирования, самоуглубление, противопоставление себя коллективу – необходимая ступень (фаза) личностного развития подростка.

Представление о необходимости обособления в процессе личностного развития исходит из идеи примата индивидуальности над обществом, из того, что ведущими исторический процесс являются индивиды. Общество как таковое всегда консервативно и не обладает творческими потенциями – это также достаточно общее место в философии, особенно в немецкой, включая Маркса.

Об этом писал С.Л. Рубинштейн: «Не каждый человек есть средство для счастья общества, а деятельность общества является средством, целью которого является благо каждого индивида, его развитие, реализация им своих способностей». И еще: «Разбирая в онтологическом плане проблему существования, мы пришли к определению преимущества индивида как, во-первых, единичного и потому реального, которое существует само по себе, и, во-вторых, неповторимого, и в этом состоит незаменимая ценность

индивида». Можно вспомнить и Альберта Швейцера: «Поглощение современного человека обществом – это, пожалуй, наиболее характерная черта его сущности. Общество располагает им по своему усмотрению. От него человек получает, как готовый товар, убеждения – национальные, политические, религиозные или атеистические, – которыми затем живет... Ни на одно мгновение не должно оставлять нас недоверие к идеалам, создаваемым обществом, и убеждениям, господствующим в нем».

Обособление в подростковом возрасте необходимо для того, чтобы перевести рассудочную форму рефлексии, господствующую в сознании подростка, в рефлексию разумную, где жесткость и однозначность понятий размываются и рационализм выходит за пределы самого себя. Этим переходом можно обозначить и переход от подросткового возраста к юношескому. Эта подфаза развития завершает собой фазу рефлексии, начинающуюся с возникновения рефлексии рассудочной, и вместе с тем делает возможным переход к фазе, где преобладает трансцендирование, выход вне себя, преодоление собственных границ, «разворачивание вовне».

Можно назвать это нормальным переходом к взрослости. Нормальным в том смысле, что юноша, полностью прошедший обе подфазы рефлексии, включающие в себя подростковую и юношескую (качественно различные: в юношеской «снимается» и превращается в «свое другое» подростковая), готов из обособления вернуться в общество, но не просто как член той или другой коллективности, готовый в ней раствориться, не как конформист, но как самостоятельное «целое в себе», как личность. Его личностное Я способно вступать в общение с другим Я на уровне непосредственно Я–ТЫ-отношения – на личностном уровне, исключаящем, оставляющем «внизу» или «вовне» социальные, культурные, семейные и прочие конечно определенные формы.

Таким образом, возвращение в общество, в коллективность происходит так, что личностное Я не растворяется в коллективности, не самоотождествляется с какой-либо деятельностью, но, участвуя в деятельности, сохраняет свою самостоятельную целостность.

О том, почему молодому человеку необходимо пройти все фазы развития

Но к такому (личностному) общению с захватом всей бесконечности Мира как целого человек способен лишь после прохождения подфазы юности, подфазы рефлексии разумной, так как только она может перейти в противоположную ей фазу трансцендирования, выходя за пределы самой себя, открываясь в бесконечность, где возможно совпадение противоположностей, их перетекание друг в друга без саморазрушения.

Переход от подростка к юноше связан с существенным изменением этического сознания. Подросток готов признать необходимость норм морали (если ему ее докажут, что в общем-то не так сложно сделать, поскольку эти нормы могут быть обоснованы с помощью рассудочной логики) и требовать их проведения в жизнь даже в тех случаях, когда голос совести (голос нравственности) протестует. Юноша уже способен рассматривать рассудочность и все конечные формы, определения и нормы как ограниченные и условные. Он понимает и чувствует безусловность и бесконечность голоса совести, его приоритет перед нормами морали и законами и если не может в определенных ситуациях ему следовать, то принимает вину на себя.

Таким образом, нормальное развитие личности подростка требует не социализации, а противоположно направленного движения обособления и самоуглубления, в процессе которого осуществляется выход за пределы социальности и всех конечных форм вообще в область актуальной бесконечности.

Я думаю, читателю ясно, что понимание терминов «подросток» и «юноша» я связываю не с возрастом (число лет), а именно с теми фазовыми различиями, о которых здесь говорится. Многие индивиды (и число таких катастрофически увеличивается) в наше время не проходят подфазу юности и оказываются духовными эмбрионами или духовными калеками в течение всей своей жизни. Некоторые «не дотягивают» и до подростка.

О подростке как фазе развития личности

Всякая органическая система должна пройти фазу самоуглубления, сведя к минимуму взаимодействие с непосредственно окружающей ее средой. Эта фаза господства рефлексии над трансцендированием совершенно необходима для становления системы самостоятельным целым в себе, для того чтобы внутренние связи системы энергетически превзошли и стали прочнее ее внешних связей со средой и возможных воздействий среды. В противном случае взаимодействие со средой грозит системе растворением в среде, она может стать частью среды и тем самым перестать быть самостоятельным «целым в себе», потерять свою самость. В случае человека это означает утрату бесконечной внутренней свободы, а следовательно и нравственной ответственности, и превращение в морального социального функционера, «человека массы» Ортега-и-Гасета или просто в люмпена, отчужденного не только от человеческой, но даже и от социальной общности.

В процессе становления личности индивид проходит различные ступени, или фазы, среди которых подростковая отличается особенно острой необходимостью во внутренней работе самоформирования, в обособлении от

социальной среды и любой формы коллективности как таковой. И эта фаза обособления должна быть пройдена индивидом с наивозможной полнотой, иначе ему грозит личностная ущербность. Точно так же, как в случае, если ребенок по тем или иным причинам «недоиграл» в соответствующем периоде детства, у него уже во взрослом состоянии могут возникнуть определенные трудности в различных жизненных ситуациях, что хорошо известно в психотерапии. И поэтому следует не мешать подростку в «отрыве от коллектива», не пытаться его социализировать, классифицируя этот отрыв как «индивидуалистическую направленность личности», требующую исправления в «направленность коллективистическую».

Опасность такого исправления состоит в том, что если негативизм подростка окажется сильнее усилий педагогов, то, сопротивляясь, он может действительно развить в себе такую форму индивидуализма, как эгоцентризм, что крайне затруднит саморазвитие его личности, либо же усилия воспитателей окажутся сильнее и он превратится в «человека массы», социального функционера, играющего в социуме определенные роли. Сочетание обеих этих возможностей может привести к развитию раблепного и одновременно торжествующего хама.

Надо понимать, что в случае обособления мы имеем дело не с отчуждением индивида от своей человеческой сущности. Такое отчуждение как раз происходит в социальной среде и завершается господством вещиности (рыночной экономики и денег как всеобщего эквивалента вещных отношений). Обособление же – противоположный процесс, процесс становления Человека в индивиде, что и есть личностное развитие.

Рассудочное мышление, овладевая сознанием подростка, играет парадоксальную роль. С одной стороны, укрепляет претензии подростка на взрослость (та же логика, по которой построен социальный мир взрослых), с другой – отталкивает его от социальности как насквозь фальшивой и лицемерной. Это отталкивание, отвержение может принимать самые различные формы: коллективные и индивидуальные, активно-протестные (например, хулиганство и более серьезные правонарушения) и пассивно-защитные (лень, эмоциональная глухота, неучастие в жизни семьи, своеобразный аутизм, принимаемый зачастую за эгоизм, и т.п.). Я думаю, что это также тенденция к обособлению, что-то вроде вторичного аутизма, аналогичного детскому. Окружающие должны не акцентировать внимание на этом, а понять, что делается у него в душе, и помочь преодолеть это тягостное для самого подростка состояние.

Ни в коем случае не применять пропагандируемые всюду американские рецепты: например, зачет очков за то или другое действие с пос-

ледующей выплатой деньгами и т.п. Это еще хуже, чем привлечение к «общественно полезной деятельности», так как ориентирует на прагматизм и вещьность, затрудняя или делая невозможным переход к подфазе юности.

Эта непрочность, безопорность в мире наличного социального бытия создает в душе подростка квазихаос, неопределенность и пустоту, куда проникает воздействие со стороны его глубинного интеллигибельного Я, обладающего всеобщностью бесконечного. Это воздействие разлагает его эмпирическое Я на Я-действительное и Я-желаемое. Кроме того, это воздействие несет в себе некий заряд всеобщности и бесконечности, оно «заражено» этим качеством глубинного Я и «заражает» им отрицающее конечное наличное бытие. Эта «зараза» проявляется в склонности к философствованию, которая была отмечена многими психологами, социологами, психиатрами. Русский психиатр П.А. Бутковский такие явления у юношей назвал «суемудрием», а английский психиатр Н. Maudsley – «приступом метафизики». «Метафизическая интоксикация» – интеллектуальная активность, направленная на самостоятельное решение «вечных проблем», «последних вопросов». Создание своих мировоззренческих систем, своих теоретических концепций перестройки общества, развития наук, своих эстетических и этических взглядов – все это занимает важное место в жизни подростка, получает выраженную эмоциональную окраску, плохо поддается критической оценке, то есть приобретает характер сверхценных идей.

Мне же кажется более опасным синдромом отсутствие всякой склонности к метафизическим проблемам и размышлениям, поскольку они представляют собой первые пробы самоопределения себя в Мире.

Итак, первая, если можно так выразиться, подфаза подросткового возраста начинается с развития рассудочного критического мышления, приводящего подростка к конфликтным отношениям с социальной средой. С возникновения потребности в обособлении от этой среды как в условии сохранения и укрепления своего личностного Я-центра, обеспечивающего целостность, способную противостоять разрушающим влияниям социальности. Заканчивается эта подфаза «метафизической интоксикацией», знаменующей начало перехода в подфазу юности. Эта последняя представляется мне настолько важной и настолько качественно отличной от первой, что, может быть, следовало бы назвать ее самостоятельной фазой, следующей за подростковой, хотя, с другой стороны, она является развитием и завершением фазы рефлексии, начавшейся в подростковом возрасте.

О юности как необходимой ступени личностного развития

Задачей воспитания подростка является не привязка его к «общественно полезной деятельности» и вообще не к деятельности и не к социальной коллективности, но помощь ему в уходе в мир созерцания, необходимым подростку для укрепления целостности личностного Я путем восстановления на новом уровне изначальной непосредственной, не требующей ни доказательств, ни участия рациональности, данной не извне, а изнутри, спонтанно и априорно связи этого Я с целостностью Мира. Готовность подростка к этому шагу, его внутренняя предрасположенность находят свое проявление в «метафизической интоксикации». Подросток «духовной жаждой томим», одержим мыслью.

Увлечения (хобби) подростка тоже могут приобретать патологические черты: сверхценность, одержимость. Однако при увлечениях на первый план выступает деятельность, а не мечтания, фантазии и размышления.

На базе рассудочной, формальной логики, принимающей либо фиксированное, не меняющееся «да», либо фиксированное «нет», диалог невозможен, возможен только спор, в том числе и внутренний спор с самим собой, истощающий и бесплодный. Во внутреннем споре подростка с самим собой чаще всего сталкиваются сфера рассудочной логики с эмоциональной сферой, обе воспринимаются им как принудительные силы. При этом поступки, находящие логическое оправдание (в том числе в прививаемой ему социумом морали), он склонен оценивать как должные, как добро, а нарушающие формальные рамки и нормы – как недолжные, как зло. И если эмоции в его поступках одерживают верх, он казнит себя (и других, поступающих, по его мнению, неправильно). Но в то же время с помощью той же логики он может непримиримо отстаивать правоту своих суждений, жестокость и бездушность своего и чужого поведения.

Бесплодность, своего рода тупиковость «суемудрия» подростка не в последнюю очередь связана с господством формальной рассудочности в его рефлексии, ибо метафизические проблемы (в том числе «последние вопросы»), которые начинают его тревожить, в рамках рассудка не могут быть даже рационально представлены. Диалектическая сфера разума, где бесконечность выступает как эквивалентность противоположно направленных, располосованных тенденций, размывает жесткие рамки рассудочных форм, снимает их, превосходит, превращая во вторичную, ограниченно применимую «технологии мысли».

Диалог и рефлексия есть преимущественная сфера разума, а не рассудка. И подросток внутренне готов к переходу в эту сферу уже хотя бы потому, что на переходе в юность подошел вплотную к «последним вопросам».

Что же может помочь подростку в реализации того, к чему он внутренне готов?

Тенденция к переходу формальных жестких границ рассудочности, жажда вырваться из этих границ уже есть. Но как она будет реализована: путем углубления личностного развития или выбросом вовне, в область вещных отношений, в частности в область современной массовой культуры? Это в значительной степени зависит от прохождения подфазы юности.

В первом случае «последние вопросы» осознаются как коренные вопросы человеческой жизни и собственной личной судьбы подростка. Во втором случае они остаются за пределами сознания подростка и лишь иногда могут причинять некоторое неосознанное неудобство. Тогда подфаза юности полноценно не проходит. Личность не реализуется.

Вступление в подфазу юности обусловлено многими факторами. Важнейший из них – созерцание в противоположность активной деятельности (в том числе и умственной – вспомним «метафизическую интоксикацию») подростка. Остановка деятельности, покой, романтическая мечтательность, пушкинская «праздность» как предпосылка «вдохновения». Непосредственное погружение в беспредельность бытия собственного Я и Мира, в сферу актуальной бесконечности. Именно в эти моменты человек превосходит самого себя («человеку для того, чтобы быть самим собой, надо быть бесконечно больше себя»), здесь формируется личность, переживается максимализм всеобщих нравственных принципов (в отличие от укорененных в социальности групповых моральных норм).

Следует подчеркнуть противоположность максимализма юношеского и вышеупомянутого подросткового. Максимализм подростка – это максимализм отрицания, непринятие всего, что не согласуется с его представлениями о логичности, правильности и справедливости, понятых в жестких рамках рассудочного рации. Максимализм юности – максимализм положительного, безусловного, не опосредованного рассудком принятия мира как целого, максимальная распахнутость души в бесконечность, особая тяга к трансцендентному в себе и в мире, что, в частности, выражается в юношеском романтизме.

О пользе созерцания

Созерцание как собственно человеческое состояние формирует личность и отношение к миру, к людям, к жизни. О глубокой внутренней трансформации и соответствующих психических переживаниях полноты

и целостности себя и мира, выходящих за пределы всякого рации и даже вербальности, писали пророки, богословы, поэты и писатели, философы, мудрецы и мистики, а также крупнейшие ученые. Их книги могут быть очень полезны подросткам, как и книги, посвященные явлениям, выходящим за рамки науки. Востребовано все, что содержит тайну.

Думаю, что как ребенок, взрослея, перестает бояться темноты, так и человек, более зрелый духовно, научается существовать рядом с тайной, не оскорбляя ее своим любопытством. Я говорю о человеке, свободном от навязчивого стремления все понять, во всем разобраться, всему дать анализ.

Я пишу это не для того, чтобы аргументировать отказ от исследования (в том числе и научного) Человека. Но любое исследование должно достаточно хорошо осознавать свои границы и степень общности выводов. Это возможно, если не теряется связь с всеобщим Началом, с позиций которого видны границы любого частного исследования и становится возможным не просто знание, но и понимание места этого знания в составе всеобщего Начала как целого. Что без этого периодически происходящего прихода к моментам созерцания, соприкосновения с актуальной бесконечностью, погружения в нее индивид не реализуется как человек. И такие «прорывы» разной силы и длительности с ним обязательно случаются в эстетическом созерцании, религиозном благоговении, в любви, в моментах творческого вдохновения, ощущения своего родства со всей жизнью и т.п. У разных индивидов эти «прорывы» могут происходить в бесконечно разнообразных индивидуальных формах, достигать различной глубины вплоть до мистических прозрений, возникать более или менее часто или редко. Но это важнейшие моменты реализации личности. В детстве они происходят самопроизвольно, во взрослом состоянии они могут забиваться заботами и тяготами наличного бытия, особенно погружением в современный мир вещной социальности.

И хотя такие моменты сопровождают (по крайней мере должны сопровождать) человека в течение всей его жизни, кроме того есть определенный ритм смены фаз рефлексии (преобладания созерцания над внешней предметной деятельностью) и трансцендирования (преобладания внешней деятельности над созерцанием). Подростковость—юность как раз и есть начало и завершение одной из таких фаз рефлексии в онтогенезе.

О романтизме юности, любви, мечтах, идеалах, состояниях восторженного удивления красотой и таинственностью мира, состояниях такой полноты и гармонии, что они кажутся абсолютно завершенными и вызывают готовность умереть, в мировой литературе написано столько и с такой степенью глубины и выразительности, что здесь достаточно лишь упоминания об этом.

Я смог лишь сухо коснуться некоторых (далеко не всех) отличий юности от подростковости, позволяющих (и вынуждающих) рассматривать юность как подфазу или ступень, противоположную ступени подростка.

Итак, для подростка нет Тайны, он уверен, что наука обладает возможностью в принципе познать все, поскольку все должно уложиться в логику, которой он овладел (которая им овладела), а это и есть логика науки. Поэтому он похож на того самого научного работника, для которого «тайна мира становится... не более чем тайной еще не прочитанного учебника», хотя одновременно всякая загадочность и таинственность притягательна для него, но скорее как фактор, который нужно устранить с помощью всемогущего рационального познания. Этому и должны служить его метафизические упражнения. Отношение к Миру как миру объектов, подлежащих познанию и использованию, *опосредует* и в значительной степени глушит пробивающееся изнутри, а иногда и вырывающееся из-под власти рассудка более глубокое эстетическое и религиозное восприятие мира.

Для юноши таинственность, уводящая в бесконечность, «несказанность» мира выступает как необыкновенная, восхищающая его ценность, захватывающая его воображение и преобразующая весь эмоциональный строй его души, размывающая все, что опосредует его восприятие мира, в том числе и сферу анализирующего рассудка. В этом и состоит «работа» и назначение юности: вывести себя за пределы субъект-объектного отношения, всякой конечной предметности и соответствующей деятельности к непосредственному восприятию Мира как ТЫ (ТЫ – «благонамеренного», родственного, любящего мое Я). Тогда становится возможным переход за пределы конечных норм морали к бесконечным принципам нравственности, за пределы справедливости к покаянию и прощению. И юноша уже может пожалеть, простить и принять социальный мир взрослых со всеми его ограничениями и рассматривать его как нуждающийся в его работе, его духовной помощи.

Чем глубже в себя (и соответственно дальше вовне) юноша уходит от мира социума и вообще мира наличного бытия, тем с большим личностным творческим потенциалом, с большей энергией он сможет вернуться, тем большим катализатором он явится для развития личности в кругу своего общения, тем больше шансов для него, став взрослым и окунувшись в мир рыночных отношений современной цивилизации, сохранить совесть и способность к личностному общению.

Переход от подростковости к юности – своего рода прорыв, в условиях современной цивилизации чреватый опасностями и срывами, а в наше время все более затрудняющийся. Но если индивиду удастся перейти в фазу взрослости, сохранив принесенные с горних высот духовный потенциал и

творческую энергию юности, для него открывается и возможность стать творцом. Так формируется духовная элита общества (в противоположность социальной).

О том, что окружает подростка в период обособления

Сначала два слова о коллективности; ведь как ни обособляйся, а всюду люди.

Коллектив социального типа, в котором господствует социальная связь между индивидами, характеризуется чертами:

1) ценность члена коллектива в его похожести на других его членов; чем большая схожесть, тем сплоченнее и сильнее коллектив;

2) незаменимых людей нет: каждый может быть заменен другим, приносящим коллективу такую же (а еще лучше – большую) пользу; эта польза (вклад) во многих случаях может быть измерена, а потому возможно и «распределение по труду»;

3) интересы коллектива выше интересов индивида, это моральная основа отношений в коллективе.

Коллектив личностного типа характеризуется так:

1) ценность каждого члена коллектива в его непохожести на других, уникальности;

2) вследствие этой уникальности каждый незаменим; вместе они создают благоприятное поле всестороннего личностного развития; не может быть измерен вклад индивида, так как он состоит в основном в бытии, присутствии индивида в коллективе;

3) не может существовать интересов коллектива вне интересов индивидов; каждый индивид эквивалентен всему коллективу и не только данному коллективу, но человечеству в целом – основной принцип нравственности.

Личностный коллектив, мне кажется, близко подходит к тому, что Хомяков назвал «соборностью», тогда к коллективу социальному подошел бы термин «сборность». Или Маркс: «мнимая коллективность».

Личностный коллектив в отличие от социальных страт и групп не имеет жестких границ, так как потенциально объединяет всех индивидов через отношение к бесконечному и универсальному.

Я не говорю здесь о многообразных следствиях такого различия коллективов для психологии и педагогики, но все же нужно отметить, что реальные коллективы всегда представляют собой смесь коллективности того и другого типа. В частности, это относится к различным подростковым группировкам. Многие из них, противопоставляя себя миру взрослых,

группируются по общим интересам или целям, но сами эти интересы в большинстве случаев позитивно или негативно связаны с областью социальности и потому выхода в беспредельность актуальной бесконечности не определяют.

Вывод, который можно сделать из вышесказанного, состоит в том, что в юности подростковые группировки («стаи», как их еще называют) должны «расплываться», терять жесткие границы, распадаться, так как оказываются несовместимыми с принятием мира как целого, связанным с личностным развитием составляющих их членов. Но они могут распадаться и по противоположной причине: в результате социализации их членов, превращения их в социальных функционеров.

В юности снимается и прагматизм подростка, и в хаотичность его внутренней жизни вносится упорядочивающее начало иерархии ценностей с вершиной, направленной в бесконечность. Нравственные принципы, побуждения и мотивы занимают место выше моральных норм, юридических законов и правил. Появляется способность понимать и прощать. Возникает антиспециализированность, открытость миру, способность преодолеть ограниченность наличного бытия, его тяжесть, механическую инерцию вещного мира. Создается возможность для личностного развития в антиличностных условиях, которая, к сожалению, все труднее реализуется. Полноценное прохождение подфазы юности – панацея от срыва с «гребня» обособления в эгоцентризм и конформизм.

Итак, мне кажется, что: 1) подростковый возраст связан с преобладанием рассудочной рефлексии; 2) он может быть рассмотрен как фаза онтогенеза личности, требующая обособления для внутренней работы становления личности как «целого в себе»; 3) эта фаза распадается на две подфазы: собственно подростковость и юность; 4) полноценное прохождение обеих фаз позволяет перейти к взрослости, не растворившись в социуме, а сохранив и укрепив личностное начало и творческий потенциал. В подфазе подростка педагогические усилия должны быть направлены на то, чтобы, используя его потребность в метафизике, помочь ему внутренне выйти за пределы не только социальности, но и наличного бытия в область «последних вопросов». Переход за рамки рассудочности и есть переход к юности. В подфазе юности следует активнее использовать философию, религию, музыку, поэзию, романтическую литературу и т.д. – все, в чем человечество накопило потенциал трансцендентности и Тайны. Надо дать индивиду не только помыслить, но и глубоко почувствовать бесконечность Человека и Мира и в то же время конечность Человека в его наличном земном бытии. Это научит его принимать и любить себя и наличное бытие во всем их несовершенстве, прощать и «миловать».

После этого можно надеяться (хотя в наше время и не слишком), что, включившись в мир взрослости, наш индивид сможет сохранить дары юности и продолжать развиваться как личность. Слишком много социальных факторов мешает сегодня такому благополучному исходу.

О главных педагогических опорах, которые на первый взгляд кажутся помехами

Подсознательно подросток нуждается, образно говоря, в окукливании, чтобы стать бабочкой, а его пытаются путем социализации превратить в вечную гусеницу. Его воспитывают, учат, убеждают, уговаривают, подключая все средства массовой информации, что гусеницей быть хорошо, особенно журучей больше других. Поэтому Х.Ортега-и-Гасет имел все основания сетовать: «Я хотел бы видеть в нашей молодежи стремление к внутренней дисциплине. Но я вижу обратное: поспешное стремление реформировать все внешнее – мир, общество, государство и т.д., не производя предварительно реформы внутреннего мира».

Подростку предлагается «ирландское рагу» массовой культуры. Деньги и всякого рода веселье, удовольствие и шутки низкого, пошлого пошиба – достаточно посмотреть телевидение – главные ценности массовой культуры. Среди них почетное место занимает секс. Вещное отношение к сексу предполагает разработку соответствующей технологии, создается множество руководств, курсов и учебников технологии секса. По сути, в этом ничего плохого нет (так же как в науке и технологическом отношении как таковом), но беда в том, что это технологическое вещное отношение из подчиненного личностным отношениям становится господствующим.

Но даже если подросток поддается соблазну и принимает этот чудовищный античеловеческий мир, его подсознание, его глубинное Я влечет его к протестным формам поведения, включая употребление наркотиков, различные формы насилия и немотивированные поступки. Это тоже форма обособления от социума, выход за пределы конечных вещных форм. Но это экстаз без катарсиса, выход не в сторону любви, творчества и созидания, а в пропасть безумия и разрушения.

К сегодняшнему дню «вещная обработка» детства цивилизацией стала столь успешной, что практически для массы подростков весь период детства стал сплошным процессом социализации, размывающим прохождение противоположных фаз.

Я думаю, эти проблемы требуют углубленного исследования и обсуждения в различных аспектах. Здесь я могу обратить внимание воспитателей лишь на следующие моменты: максимализм (в положительном и отрицательном смыслах) и связанные с ним диффузность сознания и поведения,

недисциплинированность сознания и поведения, склонность к анархии, а также потребность в харизматическом лидерстве; суггестивность, широкая способность заражаться чужими идеями при недооценке своих собственных – все это обратная сторона универсальности, способности (и потребности!) выхода за пределы наличного бытия и высокого творческого потенциала.

В самом подростковом возрасте есть все предпосылки для восприятия ценностей, глубоко и целостно захватывающих душу. Я вижу эти предпосылки именно в тех качествах, которые принято считать отрицательными: например, в диффузности, расплывчатости сознания, означающей его открытость к радикально новому, бесконечному. Эти качества играют определенную отрицательную роль при социализации, но необходимы для личностного развития.

О том, что и как пишут на тему «Подросток»

Литература по затронутым вопросам практически необозрима.

Широкий обзор различных типов периодизации онтогенеза представлен в книге Р.Бернса «Развитие Я-концепции и воспитание». (М., 1986)

Характерно, что и сам автор, и описываемые им направления в психологии, как правило, исходят из представления о человеке как биосоциальном существе, напоминающем кентавра, у которого, скажем, сзади «био», а спереди «социо». Эти «био» и «социо» представлены у разных авторов по-разному, а главное, им придаются разный вес и значение в онтогенезе. Это представление о человеке как о сборном, составном существе сразу показывает неадекватность мышления (вещно-механистического) предмету (целостно-органическому), в котором началом может служить только целое, не могущее быть понято через свои части или стороны. Человеческое должно предшествовать в данном случае и биологическому, и социальному, а также и всему прочему в человеке, делая возможным понимание всех частей и сторон как проявлений этой целостности.

Например, касаясь подросткового возраста, автор книги пишет: «Поведение подростка часто парадоксально. Откровенный негативизм может сочетаться с явной конформностью, стремление к независимости – с просьбами о помощи. Сегодня он исполнен энтузиазма и энергии, а завтра мы видим, что у него опустились руки и он пассивно «плывет по течению». Эти резкие, контрастные перемены – характерные черты переходного периода от детства до того момента, когда общество признает человека взрослым. Это общественное признание взрослости определяется рядом критериев – обязанностью в полной мере отвечать за свои действия перед законом, возможностью полноправно участвовать в делах общества, всту-

пать в брак и т.д. Во всех этих случаях возрастная регламентация варьируется в разных странах и может меняться с течением времени».

Итак, автор полагает, что глубокие *внутренние* душевно-духовные, преобразующие личность подростка переживания кончатся в тот момент, когда социум преподнесет ему подарок: юридические права и обязанности и весь establishment, столь ненавидимый героем сэлинджеровского романа «Над пропастью во ржи». Это, по-моему, просто смешно.

С ошибочной априорной установкой часто связано непонимание исследователями ими же добытых эмпирических фактов. И возникают совершенно фантастические, а иногда и крайне вредные педагогические рекомендации. Приведу примеры из книги «Психология современного подростка» (коллективный труд под редакцией Д.И. Фельдштейна, М., 1987).

«Если в 10–11 лет 88% подростков активно положительно относятся к общественно полезным делам, то в 13–14 лет это число сокращается до 71%, а к 15 годам – до 56%». Не желая этого, авторы фактически засекали наступление во внутреннем развитии фазы рефлексии, связанной с обособлением, с окулкиванием, с тем, что необходимо для превращения в бабочку. Не понимая этого, они ищут внешние причины такого «неблагополучия» в недостаточном прессинге «целенаправленно организованной системы» деятельности и т.п. Изучая в этом отношении воспитанников школы-интерната, они разделили их на шесть групп.

«К первой были отнесены подростки с активно положительным коллективистическим по своим мотивам отношением к организационной деятельности». Таких оказалось 10%. Ко второй – «с активно положительным эгоистическим отношением к рассматриваемой деятельности». Их было 23%.

К третьей – «с активно отрицательным отношением» – 10%.

К четвертой – «открыто противопоставляющие себя коллективу, с активно отрицательным отношением к организационной деятельности» – 17%. К пятой – «с пассивно индифферентным отношением к рассматриваемой деятельности, но при коллективистической направленности личности» – 13%. К шестой – «с пассивно индифферентным отношением к организационной деятельности и эгоистической направленностью личности». Они стараются уклониться от всякой деятельности – 27%.

Образец для исследователей – первая группа. Для каждой из остальных предлагаются воспитательные рецепты, помогающие другим исправиться и стать похожими на первую. Так и происходит на практике нивелировка уникальных, неповторимых личностей, каждая из которых к тому же, возможно, проходит свою фазу развития, в том числе такую, которой коллективность противопоказана.

Меня же больше всего заинтересовала четвертая группа, она кажется мне наиболее перспективной в плане личностного развития. Что с ними будет? Либо они станут бунтарями, либо воспитатели их сомнут, превратив в безликую массу по подобию персонажей замятинского «Мы».

Об опасности искаженного понимания проблем человека

В силу того что наука представляет собой форму знания именно о вещной стороне мира, человек как *Целое*, как *Личность* находится за пределами понимания и возможностей исследования науки, и в том числе научной психологии.

Во власти научной психологии лишь *частичное исследование частичного человека*. Оказывается, нет просто человека с его проблемами, нет души и ее переживаний – есть интроспекция, апперцепция, интериоризация, мотивация и прочие психологические структуры и процессы. Нет вечных вопросов человечества – есть ценности, установки, личностные смыслы. И живых людей нигде нет, проблем, которые волнуют каждого человека, нет – есть психические структуры, субъекты, объекты, реципиенты. Зачем вникать в сущность и тайну каждого человека, зачем постигать его личность, историю и переживания – ведь можно разложить его на отдельные структуры и моменты, научно познать их, ну а затем всему найти свое место.

Такой подход к личности сказывается особенно пагубно, когда дело касается подросткового возраста.

Во-первых, потому, что это возраст активного качественного перехода от детского состояния к взрослому, со сложнейшими противоречивыми внутренними процессами преобразования всей личности – от физиологии до высших форм самоосознания себя и своих взаимоотношений с миром.

Во-вторых, в этом возрасте наиболее остро проявляется указанный выше антагонизм личности и социальности. Возникающие молодежные группы, организации, движения самых разнообразных направлений, преследующие различные цели, с различной мотивацией в основе, как правило, настолько не соответствуют принятым в том или другом современном социуме порядкам, вызывают такую тревогу у добропорядочных обывателей и даже структур власти, что получили название «молодежная контркультура».

Естественно, это привлекает пристальное внимание психологов, социологов, педагогов. Возникла и продолжает быстро пополняться соответствующая литература. При всем разнообразии предлагаемых в этой литературе подходов, способов взаимодействия с подростковыми группами, методов семейного, школьного и общественного воспитания подростков, все эти

подходы, способы и методы в подавляющем большинстве ставят одну и ту же цель: социализировать подростка, включить его в «нормальный» мир взрослых, сделать исправно функционирующим членом социума, полезным членом общества.

Между тем именно эта общая тенденция социализации подростка как формы его включения в общественную жизнь кажется мне разрушительной для его личности.

Личность бесконечно шире этой наличной социальной и культурной действительности. Поэтому сама действительность должна быть рассмотрена как определенная переходящая фаза развития личности.

Пытаясь исследовать личность в рамках наличного бытия, внеисторически, психология фактически имеет дело не с личностью, а с членом того или другого социума, культуры, этноса и т.п., то есть не с самостоятельным «целым в себе», а с частью чего-то другого. Между тем личность как высшая ценность, представление о которой сложилось как об индивиде, обладающем бесконечной внутренней свободой и такой же бесконечной взятой на себя нравственной ответственностью, не может быть частью чего бы то ни было, но лишь бесконечным универсальным Целым, эквивалентным Миру как таковому.

Существует множество различных определений личности и громадное число методик ее исследования. Появлялись и попытки «целостного» ее исследования. Но поскольку личность проявляет себя во всем многообразии жизни, возникает идея, что проблема личности – комплексная проблема. Вот когда психология, философия, история, социология, каждая исследует «свою» сторону или «кусочек» личности, тогда наконец можно будет приступить к синтезу этих кусков, результатом которого и явится долгожданная теория личности.

Но в любой развивающейся органической системе началом является целое. Личность не аддитивна, не складывается, не конструируется из частей. И хотя нельзя отрицать достижений психологии, касающихся собирания большой массы фактического материала и отдельных разработок, облегчающих индивиду усвоение знаний и адаптацию к нечеловеческим условиям современной цивилизации, методы этой адаптации зачастую направлены против личностного развития. Адаптация покупается дорогой ценой. Очевидно, что психология при своем отделении от философии утратила главное: понимание человека как парадоксального, противоречивого, бесконечно-конечного существа. Пренебрегла органической универсальной связью Человека с Миром как целым.

Между тем парадоксальность, бесконечно-конечность есть необходимое условие, источник энергии формирования Человека на протяжении всего

антропогенеза. А без связи с Миром как целым не может развиваться личностное Я. Это должно быть положено в начало любого размышления о Человеке. Это исходный пункт: бесконечность отношения Человек – Мир. Именно поэтому человек как личность остается за пределами современной научной психологии и за пределами научного мышления как такового.

Тебе, читатель!

В заключение я должен сказать, что преследовал в очерке две довольно определенные и узкие цели: 1) спасти нашего подростка от психологов и педагогов, желающих его во что бы то ни стало социализировать; 2) показать, что философия необходима психологу и педагогу для того, чтобы он не был в положении человека, который не ведает, что творит. Поэтому изложение было сконцентрировано именно на этих целях, что оставило за бортом многие не менее, а может быть, и более важные вопросы.

Все изложение было связано с подростковым и юношеским возрастом, где определяющей, по моему мнению, является рефлексия. При этом фазу рефлексии, включающую в себя созерцание, нельзя представлять как непрерывный покой и неподвижность, хотя такие моменты (созерцание) необходимо в ней присутствуют. Она может сопровождаться разнообразной деятельностью, но важно то, что внутреннее состояние и переживание реальности не задано этой внешней деятельностью, предметностью. Оно определяется трансцендентной глубиной отношения с Миром как целым.

Ситуация в педагогике крайне сложная. С одной стороны, уничтожение идеологического пресса, штамповавшего социальных функционеров и конформистов, как будто бы открывает дорогу воспитанию личности, с другой – хлынувшая в образовавшийся вакуум связанная с господством рыночных отношений идеология индивидуализма, вещизма и ее продукт – «массовая культура» являют собой более глубокую, тонкую и соблазнительную подмену всего собственно человеческого и личностного.

Дорогие воспитатели! В лице каждого подростка вы имеете уникальный, может быть, уже в какой-то степени «реликтовый» материал – существо, из которого может вылететь бабочка личности. Не препятствуйте пройти ему фазу окукливания. Помогите, а не терзайте, не разрушайте, не превращайте его в вечную гусеницу!

Для такой помощи непригодны научные штампы, нужны любовь и глубокое понимание воспитателем того, что он делает.

Послесловие-приложение

...Я назвал этот текст философским очерком, а не статьей, так как мне не хотелось бы, чтобы его читали как статью, тем более научную, строго ограниченную темой, сухостью и соответствующей логикой изложения, с научным аппаратом, помещенным в конце, так что читатель, наткнувшись на цифру в тексте, должен лезть в конец, чтобы выяснить, какой источник за ней скрывается.

Но поскольку, как было сказано, задачей воспитания подростка является не привязка его к общественно полезной деятельности и вообще не к деятельности и не к социальной коллективности, а помощь ему в уходе в мир созерцания, необходимом подростку для укрепления целостности личностного Я, без источников не обойтись.

О глубокой внутренней трансформации и соответствующих психических переживаниях полноты и целостности себя и мира, выходящих за пределы всякого рацио и даже вербальности, говорили и писали пророки, богословы, поэты и писатели, философы, мудрецы и мистики, а также крупнейшие ученые. Приведу лишь некоторые из этих высказываний.

Антуан де Сент-Экзюпери, «Планета людей»: «Но беспредельность нельзя найти. Она создается в нас самих». «Внутренняя жизнь молящегося доминиканца насыщена до предела. Человеком в полной мере он становится именно тогда, когда, простершись ниц, неподвижно застывает в молитве... Тот, кто возвысился до созерцания, становится зерном. Тот, кому открывается некая истина, тащит другого за рукав, чтобы посвятить в эту истину и его... Мы слишком долго обманывались относительно роли интеллекта. Мы пренебрегали сущностью человека... Отныне я отказываюсь судить людей по доводам, оправдывающим их решения... Никакое словесное объяснение никогда не заменит созерцания. Единство Сущности нельзя передать словами... Веками моя духовная культура сквозь людей созерцала Бога».

Генри Торо, «Уолден, или Жизнь в лесу»: «Я рос, как растет по ночам кукуруза, и они (часы созерцания. – Авт.) были полезнее любой физической работы. Эти часы нельзя вычесть из моей жизни, напротив, они были мне дарованы сверх отпущенного срока. Я понял, что разумеют на Востоке под созерцанием, ради которого оставляют работу».

Сергей Рубинштейн, «Человек и мир»: «Бесконечность мира и причастность к нему человека, созерцание его мощи и красоты есть непосред-

твенно данная завершенность в себе... Величие человека, его активность проявляются не только в деянии, но и в созерцании, в умении постичь и правильно отнестись ко Вселенной, к миру, к бытию».

Дмитрий Блохинцев, физик, журнал «Техника молодежи», № 3, 1982:
«Ощущение своего родства с бесконечной Вселенной, вера в ее благонамеренность по отношению к человеку, преклонение перед ее гармонией и красотой всегда были и будут ничем не заменимым душевным богатством людей.

Только такое взаимоотношение с окружающим миром способно дать человеку ощущение своей значимости, выходящей за пределы бессмысленной и скучной подценщины». И далее, из неопубликованной части философских очерков Блохинцева: «Многие глубокие умы еще в далекой древности, да и в наше время, подсказали нам путь к счастливому (оптимистическому) восприятию мира.

Для этого следует поддержать в себе:

1. Постоянное ощущение себя частью всего мира. Надо помнить, что поверхность нашего тела – кожа – это еще не граница своего Я.

2. Постоянное ощущение Красоты мира.

3. Благоговейное отношение к его Тайне.

Все это, конечно, не ново. Быть может, даже звучит несколько старомодно, поскольку никакие слова не способны передать всю глубину и значимость этих положений. Но ни то, ни другое обстоятельство не делает этот Символ Веры менее значительным в наше время».

Альберт Эйнштейн, «Собрание научных трудов». Т. 4: «Самое прекрасное и глубокое переживание, выпадающее на долю человека, – это ощущение таинственности. Оно лежит в основе религии и всех наиболее глубоких тенденций в искусстве и науке. Тот, кто не испытывал этого ощущения, кажется мне если не мертвецом, то, во всяком случае, слепым... Способность воспринимать то непостижимое для нашего разума, что скрыто под непосредственными переживаниями, чья красота и совершенство доходят до нас лишь в виде косвенного слабого отзвука, – это и есть религиозность. В этом смысле я религиозен. Я довольствуюсь тем, что с изумлением строю догадки об этих тайнах и смиренно пытаюсь мысленно создать далеко не полную картину совершенной структуры всего сущего».

Николай Бердяев, «Самопознание»: «Творчество было для меня погружением в особый, иной мир, мир, свободный от тяжести, от власти

ненавистной обыденщины... в созерцании высшего – прекрасного – гармонического созерцающий переживает момент творческого экстаза... Но самые моменты созерцания не знают борьбы, конфликта и затруднения, эти состояния преодолеваются... И человек должен периодически приходить к моментам созерцания, испытывать благодатный отдых созерцания. Исключительный динамизм, непрерывный активизм или растерзывает человека, или превращает его в механизм. В этом ужас нашей эпохи.

Я привожу эти цитаты, чтобы дать по возможности почувствовать читателю «параметры» того мира, в котором оказывается подросток на пороге юности, когда ему еще предстоит преодолеть рамки рассудочного, формального, вещного мышления. Того непримиримого бунтарского состояния, которое лучше всего передал Сэлинджер в образе подростка Холдена:

Джером Дэвид Сэлинджер, «Над пропастью во ржи»: «А ушел я из Элктон-хилла главным образом потому, что там была одна сплошная липа. Все делалось напоказ – не продохнешь. Например, их директор, мистер Хаас. Такого подлого притворщика я в жизни не встречал. В десять раз хуже старика Термера. По воскресеньям, например, этот чертов Хаас ходил и жал ручки всем родителям, которые приезжали. И до того мил, до того вежлив – просто картинка.

Но не со всеми он одинаково здоровался – у некоторых ребят родители были попроще, победнее. Вы бы посмотрели, как он, например, здоровался с родителями моего соседа по комнате. Понимаете, если у кого мать толстая или смешно одета, а отец ходит в костюме с ужасно высокими плечами и башмаки на нем старомодные, черные с белым, тут этот самый Хаас только протягивал им два пальца и притворно улыбался, а потом как начнет разговаривать с другими родителями – полчаса разливается! Не выношу я этого. Злость берет. Так злюсь, что с ума можно спянуть».

То, что человеку в этот период нужно, можно именно почувствовать, поскольку в рамки рациональной рассудочности, понятийности и даже вербальности это не вмещается. Нужен мир символов, художественных образов, интуитивных озарений, эмоций любви, восторга, благоговения, охватывающих все существо человека, воспринимаемых как бесконечно превосходящие по своей ценности все конечные определенности наличного бытия. Это мир экстаза («выхождения») и катарсиса («очищения»), могущих принимать бесконечно разнообразные формы и даже

соприкасаться, быть причастными плероме («плерома» – бесконечная божественная полнота, совмещающая в неслиянности-нераздельности все противоположности, не угашая бесконечной уникальности каждой из них).

В романтической литературе, в поэзии, мы часто встречаемся с подобными состояниями, выраженными художественными средствами.

Александр Пушкин, «Желание»:

*Медлительно влекутся дни мои,
И каждый миг в увядшем сердце множит
Все горести несчастливой любви
И все мечты безумия тревожит.*

*Но я молчу; не слышен ропот мой;
Я слезы лью; мне слезы утешенье;
Моя душа, плененная тоской,
В них горькое находит наслажденье.*

*О жизни час! лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме, пустое привиденье;
Мне дорого любви моей мученье –
Пускай умру, но пусть умру любя!*

Бесконечна и гамма личностной и ситуативной окраски подобных переживаний: от тончайшей лирики до громоподобной эпичности, от полной пассивности и растворения в мире («океаническое чувство») до ощущения бесконечной творческой мощи и даже соединения этих полюсов.

Гавриил Державин, ода «Бог»:

*Я связь миров повсюду сущих;
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества.*

*Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я – царь, я – раб,
Я – червь, я – Бог.*

**Александр Блок, из стихотворения
«И вновь – порывы юных лет...»:**

*...Пройди опасные года.
Тебя подстерегают всюду.
Но если выйдешь цел – тогда
Ты, наконец, поверишь чуду.
.....
Что через край перелилась
Восторга творческого чаша
И всё уж не мое, а наше.
И с миром укрепилась связь.*

...Эти размышления я привожу не для того, чтобы аргументировать отказ от исследования Человека, в том числе и научного. Но любое исследование должно достаточно хорошо осознавать свои границы и степень общности выводов. Это возможно, если не теряется связь с всеобщим Началом, с позиций которого видны границы любого частного исследования и становится возможным не просто знание, но и понимание места этого знания в составе всеобщего Начала как целого.

Философия должна быть основанием любого рационального познания Человека и Мира.

УДК 371
ББК 74.200
А85

Общая редакция серии «Воспитание. Образование. Педагогика»: *М.Н.Сарпан*

А85 **Арсеньев А.**
Подросток глазами философа : Из одноименной книги (Алматы, 1996) / Анатолий Арсеньев ; Извлечения и редакция Людмилы Кожуриной. – М. : Чистые пруды, 2009. – 32 с. – (Библиотечка «Первого сентября», серия «Воспитание. Образование. Педагогика». Вып. 19).

ISBN 978-5-9667-0535-0

В этом выпуске содержится философский очерк о природе взросления, о трудностях и опасностях, через которые проходит подросток в своем личностном развитии. Описаны основные этапы отрочества и юности, перечислены характерные новообразования, даны рекомендации воспитателям. Помимо этого автор предлагает список художественных текстов, которые отражают мироощущение подростка.

УДК 371
ББК 74.200

Учебное издание

АРСЕНЬЕВ Анатолий Сергеевич

ПОДРОСТОК ГЛАЗАМИ ФИЛОСОФА
Из одноименной книги
(Алматы, 1996)

Извлечения и редакция Людмилы Кожуриной

Корректоры *Е.М. Литвиненко, Т.В. Козлова*
Компьютерная верстка *Н.Ю. Кононенко*

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–19078 от 08.12.2004 г.

Подписано в печать 25.11.2008.

Формат 60x90^{1/16}. Гарнитуры «Таймс», «Прагматика». Печать офсетная. Печ. л. 2,0.

Тираж экз. Заказ №

ООО «Чистые пруды», ул. Киевская, 24, Москва, 121165
Тел. (499) 249-28-77, <http://www.1september.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в филиале ГУП МО «КТ» «Раменская типография»
Сафоновский пр., д. 1, г. Раменское, МО, 140100
Тел. (495) 377-07-83. E-mail: ramentip@mail.ru

ISBN 978-5-9667-0535-0

© ООО «Чистые пруды», 2009